

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LIBRARY
OF
PRINCETON UNIVERSITY

52811
E
ON
V
7
Н. Н. ӨИРСОВЪ.

ВОПРОСЪ
О БЪГЛЫХЪ И РАЗБОЙНИКАХЪ,
ПОДНЯТЫЙ ВЪ КОММИССИИ
ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЕКТА
НОВАГО УЛОЖЕНІЯ (1767 г.).

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи).

LIBRARY OF CONGRESS
DUPPLICATE

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1890.

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *П. Траубенбергъ.*

11.2.47 - L.C. Duffin & Exchange

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской жизни. Всѣмъ давно извѣстны социальныя причины бѣгства русскихъ людей изъ общества, и я объ этомъ предметѣ не стану распространяться; замѣчу только, что побѣги крестьянъ наиболѣе усилились въ эпоху крайняго развитія крѣпостнаго права, а именно во вторую половину XVIII столѣтія. Увеличеніе количества бѣглыхъ вело къ размноженію разбойниковъ. И правительство, и общество отмѣтили эту связь между побѣгами и разбойничествомъ, почему въ сущности то и другое является одной темой, однимъ вопросомъ.

На сколько же этотъ вопросъ былъ важенъ для русскаго общества того времени, — всего лучше намъ могутъ изобразить наказы, съ которыми депутаты изъ провинцій и уѣздовъ, по волѣ Императрицы Екатерины 2-й, явились въ Москву для участія въ извѣстной комиссіи, имѣвшей свою цѣлью составить проектъ Новаго Уложенія. Эти депутатскіе наказы, а равно и протоколы засѣданій комиссіи представляютъ замѣчательный матеріалъ для характеристики возрѣвній современниковъ на многіе общественные вопросы. Одинъ изъ послѣднихъ и составляетъ предметъ реферата, который я имѣю честь предложить вниманію настоящаго ученаго собранія.

Но прежде любопытно припомнить нѣкоторые факты, относящіеся къ знаменитой комиссіи. Такъ, напр., предъ ея открытіемъ депутаты приняли въ соборѣ присягу, въ которой просили Бога, чтобы Онъ отвратилъ ихъ отъ „корысти, дружбы, вражды и ненавистныхъ зависти, изъ коихъ страстей родиться бы могла суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ“. Затѣмъ, во дворцѣ, при эффектной обстановкѣ, говорились рѣчи; при этомъ одинъ изъ ораторовъ

Н16443
19 F5

(RECAP)

ровъ, Новгородскій митрополитъ Дмитрій (Съченевъ) открылъ связь между законодательствомъ Юстиніана и Екатерины II-ой, отдавъ предпочтеніе мудрости русской Императрицы.

Произведеніе же этой мудрости—наказъ депутатамъ— читалось на другой день въ грановитой палатѣ, гдѣ и начались засѣданія коммисіи подѣ предѣдательствомъ Александра Бибикова. Многочисленные депутаты отъ дворянъ всѣхъ уѣздовъ, купцовъ, черносозныхъ крестьянъ, казаковъ и отставныхъ солдатъ изъ Наказа Императрицы, между прочимъ, узнали, что смертная казнь „потребна“ только для такого „гражданина“, который, „лишенъ будучи вольности, имѣетъ способъ и силу, могущую возмутить народное спокойствіе“; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ смерть „гражданина“, „ни полезна, ни нужна“ (Наказъ, § 210, стр. 167). Узнали также, что „мучительная строгость“ бесполезна (§ 207). Слушали депутаты и такія трогательныя рѣчи: „кто не объѣмлется ужасомъ, видя въ исторіи сколько варварскихъ и бесполезныхъ мученій, высканывхъ и въ дѣйствіе приведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ? и т. д. и т. д. „Кто можетъ, говорю я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей съ великими приуготовленіями?“ и т. д. и т. д. Во время чтенія такихъ и подобныхъ рѣчей многіе изъ депутатовъ плакали. Это однако не помѣшало имъ заявить о своихъ далеко не сентиментальныхъ требованьяхъ. Фабриканты, купцы, духовенство и даже казаки (домовитые) просили даровать имъ право владѣть крестьянами; дворянство вооружалось противъ этого, считая право владѣнія людьми своею привиллегіей. Черносозные крестьяне просили, чтобы имъ правительство дозволило вести торговлю, а купцы протестовали, разсматривая торговлю своею монополіей и говоря, что ихъ положеніе и безъ того плохо, а съ дозволеніемъ торговать крестьянамъ они совершенно раззоратся. Многіе изъ дворянъ требовали уничтоженія петровскаго закона, дѣлающаго дворяниномъ каждаго, дослужившагося до офицерскаго чина; другіе, новые дворяне, получившіе дворянство „за выслугу шпагой или перомъ“, конечно, оспаривали предложеніе первыхъ... Вообще, всѣ заявили о своихъ узко-эгонстическихъ пожеланіяхъ, вслѣд-

ствіе чего интересы ихъ неминуемо встрѣтились, и они спорили... Какъ-же они отнеслись къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ?

Въ депутатскихъ „наказахъ“ по этому вопросу мы найдемъ весьма много данныхъ; такъ мы можемъ узнать о томъ, какъ помѣщики мотивировали побѣги крѣпостныхъ, какъ жаловались на зло отъ побѣговъ и разбоевъ и какія предлагали мѣры для пресѣченія побѣговъ и уничтоженія разбойничества. Кромѣ того мы находимъ въ этихъ „наказахъ“ и другія, болѣе частныя, свидѣтельства и между ними указанія на то, куда убѣгаютъ крестьяне и гдѣ скрываются. Съ этихъ-то указаній мы и начнемъ свое изложеніе.

Изъ депутатскихъ наказовъ легко можно усмотрѣть, что случаи побѣговъ были наиболѣе многочисленны въ западной окраинѣ имперіи, откуда масса бѣглыхъ удалялась въ Польшу¹⁾. Вы то и дѣло читаете: „крестьяне отъ помѣщиковъ бѣгутъ въ Польшу цѣлыми семьями“.. (14 т. Сбор. Имп. Ист. Общ., стр. 365, 261, 401). Пусторжевское дворянство, какъ и другія дворянскія общества прямо заявило, что его „бѣдныя жилища стоятъ близъ Польши“ и поэтому крестьяне бѣгутъ туда „единого ради того, чтобы тамъ быть вольными“ (14; стр. 295). Рославльскій уѣздъ тоже находился по близости къ Польшѣ, не далѣе 50 верстъ, и вотъ, какъ только крестьяне „услышать рекрутскій наборъ, рассказываетъ наказъ отъ дворянъ этого уѣзда, „почти всѣ годные бѣгутъ за польскую границу и оттуда выходятъ потаенно и, подговаривая отцовъ и родственниковъ своихъ, выходятъ за ту польскую границу“²⁾. Естественно, что въ Польшѣ рус-

¹⁾ Особенно много жалобъ изъ разныхъ уѣздовъ и пятинахъ Новгородской и Исковской провинцій. Въ то же время голоса о побѣгахъ и разбойничествѣ несутся и съ сѣвера (напр., отъ вологодскаго дворянства, т. 8. стр. 551 и 552), и изъ центральной Россіи (напр., Суздальск. провинц., т. 8, стр. 533), и съ восточной окраины — этого стараго театра гулящихъ людей (Сарат. Уѣзд., т. 4. стр. 4).

²⁾ 14 т., стр. 425.

сихъ вѣрстьянъ, убѣжавшихъ для воли отъ крѣпостнаго права и рекрутства, скопилось очень много. „По исчисленію“ смоленскаго дворянства ко времени комиссіи 67-го года въ Польшѣ пребывало болѣе 50000 бѣглыхъ вѣрстьянъ изъ одной Смоленской губерніи (14; стр. 420). Депутатамъ было извѣстно, что, кромѣ Польши, бѣглецы направлялись въ Лифляндію (14, 381), Эстляндію, Фивляндію (14; 256) и особенно на Волгу; депутатъ отъ брянскаго дворянства Сергѣй Мясоѣдовъ сообщилъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, что въ 1742 и 43 г.г., когда онъ состоялъ „въ командѣ для сыска бѣглыхъ“, имъ было найдено въ Саратовѣ и въ уѣздѣ по Волгѣ, на судахъ и въ хуторахъ, до 5000 бѣглыхъ вѣрстьянъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ (4 т., стр. 117). Отмѣчено въ наказахъ и то, что немало бѣглаго люда шатается внутри государства. При рекрутскихъ наборахъ вообще укрывались „въ разныхъ мѣстахъ“: у купцовъ и разночинцевъ, которые обыкновенно держали бѣглецовъ до тѣхъ поръ, „пока съ помѣщика положенное число рекрутъ отдано не будетъ“ (4 т., стр. 475). Помѣщики также очень хорошо знали, что нерѣдко бѣглецы находили себѣ пріютъ на желѣзныхъ и стеклянныхъ заводахъ, на фабрикахъ (4 т., 387).

Мы уже видѣли, что крѣпостное право и воинская повинность выставлялись, какъ причины побѣговъ. Въ наказѣ отъ псковской провинціи мы находимъ болѣе подробныя указанія причинъ побѣговъ, находимъ попытку представить классификацію бѣглецовъ. Последнихъ, по мнѣнію наказа, „три рода“. 1) Одни вѣрстьяне бѣгутъ въ Польшу. И это происходитъ потому, что они знаютъ „польскія поведенія“: у поляковъ, „по ихъ вольности“, нѣтъ ни рекрутскаго набора, ни казенныхъ сборовъ, а за-то существуетъ свободная продажа вина и соли. 2) Другіе убѣгаютъ внутрь имперіи. На такое предпріятіе поощряетъ ихъ современное положеніе хозяйствъ „знатныхъ богатыхъ и сильныхъ людей“. Эти „сильные и богатые люди“ „по нынѣшнему состоянію“, говорится въ наказѣ, „имѣютъ весьма великія выгоды держать бѣглыхъ людей“. Если же кто и узнаетъ, гдѣ „подъ рукой сильнаго“ проживаетъ его „бѣглый человѣкъ“, „торадъ будетъ и тому“, когда „достанетъ“ его черезъ „нѣсколько лѣтъ“ и даже „съ немалымъ убыткомъ“ для себя. Въ виду этого псковское дворянство надѣется, что „о не-

держави“ этих бѣглыхъ будутъ издавы „настрожайшія подтверждения“. 3) Наконецъ, весьма много крестьянъ бѣжить въ Чуховщину и Лифляндію“. Да и какъ не бѣжать: нѣтъ ни форпостовъ, ни заставъ, выдачи бѣглыхъ оттуда не бываетъ почти никогда, сыскивать же и ловить ихъ совсѣмъ нельзя, „а особливо незнатнымъ“, владѣющимъ „невеликимъ числомъ душъ“. Даже скорѣе можно самого себя „безъ вѣсти потерять“, чѣмъ вернуть бѣглыхъ, которыхъ въ Чуховщинѣ и Лифляндіи „весьма довольное число“, главнымъ образомъ въ мызахъ „знатныхъ и богатыхъ господъ“. Отмѣтивъ всѣ изложенныя причины побѣговъ, дворянство псковской провинціи сдѣлало оговорку, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія“ (14 т., стр. 266 — 268). Дворянство Псковскаго уѣзда добавляетъ еще одну весьма „важную“, по его мнѣнію, причину побѣговъ: „склонность и жадность народа“ къ „вольному употребленію вина“. И это мнѣніе мотивируется тѣмъ, что безъ вина русскій народъ „съ природы вліянной страсти обойтись не можетъ“, а между тѣмъ по близости кабаковъ нѣтъ: „кои есть—не ближе какъ въ семидесяти и осмидесяти верстахъ“. За „вольное“ же употребленіе вина штрафъ очень великъ, вслѣдствіе чего „цѣлыя дома разоряются“. При всемъ этомъ—Польша рядомъ, гдѣ въ каждой деревнѣ, „по вольности ихъ“, имѣется кабакъ, „что ихъ (русскихъ крестьянъ) весьма привлекаетъ“ (14 т., 381 и 382). И смоленское дворянство указывало на боязнь штрафа за воровство, какъ на одну изъ причинъ побѣговъ, при чемъ, по его мнѣнію, убѣгали не только главные виновники этого преступленія, но и тѣ, „кто про то вѣдалъ или участникомъ былъ“. А „отъ вина нашихъ удержать не возможно“, категорично заявило смоленское дворянство (4 т., 421). Однако были, какъ мы видѣли и выше, причины посерьезнѣе; да и отмѣченные сейчасъ депутатскіе наказы не ограничились такимъ легкимъ объясненіемъ: въ числѣ причинъ бѣгства здѣсь помѣщены рекрутскіе наборы, „государственныя подати“ и „прочія разныя отягощенія“.

Расколъ выставлялся также причиной побѣговъ. „Когда, говорится въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „прельщенныя къ расколу крестьяне отъ тѣхъ расколовъ своими помѣщиками отвращаемы бываютъ“, то „тѣ крестьяне чинятъ немалые побѣги и ихъ держать и укрываютъ въ своихъ домахъ раскольники же“ (т. 4; стр. 336).

Но это еще не все. Въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне бѣдѣли отъ неурожаевъ; напр., дворянство Вяземскаго уѣзда высказалось въ томъ смыслѣ, что отъ неурожаевъ „по нѣскольку лѣтъ“ крестьяне до того разворились, что многіе изъ нихъ, „дворы свои оставя“, „пошли безвѣстно“ (14 т. стр. 454).

Бѣглецамъ вездѣ былъ пріютъ, потому-что, при недостаткѣ рабочихъ рукъ въ то время, помѣщичьи, заводчики, фабриканты не брезгали этою выгодною рабочею силой, не говоря уже о самихъ зажиточныхъ крестьянахъ. Помѣщичьи-поляки, разумѣется, не были исключеніемъ. Въ депутатскихъ дворянскихъ наказахъ мы часто читаемъ жалобы на то, что польскіе помѣщичьи не только охотно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, но „подговариваютъ“ приходитъ къ нимъ еще не убѣжавшихъ крестьянъ изъ Россіи. Это приглашеніе имѣло успѣхъ. По сообщенію наказа отъ дворянъ Псковской провинціи бѣглецовъ въ Польшу до того „пріумножилось“, что „шляхтамъ польскимъ“ негдѣ уже стало ихъ помѣщать „на своихъ земляхъ“. Тогда „многіе, узнавъ проворство Россійскихъ бѣглецовъ“, начали своихъ крестьянъ переселять „въ чужія и дальнія маетности“, а на оставшіяся свободными мѣста водворять русскихъ крестьянъ. Это повлекло за собой тотъ результатъ, что нѣкоторые польскіе помѣщичьи, прежде сами пахавшіе землю, теперь сдѣлались богатыми землевладѣльцами. По замѣчанію того же наказа, бѣглыхъ въ Польшѣ принимали также жида „для услуженія“.

Кромѣ всего этого, мы встрѣчаемъ сѣгованья русскихъ помѣщиковъ на то, что имъ отъѣздъ въ Польшу „строжайше запрещенъ“, а поляки безпречаственно пріѣзжаютъ въ Россію и подговариваютъ крестьянъ къ уходу (14; 367). Бѣгутъ за границу жены отъ мужей и мужья отъ женъ и тамъ, „согласясь съ другими надобными полами“, „остаюся вѣчно“; супруги, покинутое на родинѣ, „привуждены быть отъ молодости до старости безбрачными“, „или также, слюбясь съ другими, тоже уходягъ въ Польшу“. Особенно же, по мнѣнію, выраженному въ цитируемомъ сейчасъ наказѣ, жалѣть необходимо то, что бѣглецы теряютъ православную вѣру „безъ наимѣйшаго страха Божія“; не только сами они переходятъ въ католичество и униатство, но перекрещиваютъ и дѣтей своихъ подъ вліяніемъ ксендзовъ и униатскихъ поповъ; эти послѣдніе „стараются ихъ ласкать и

всячески въ вѣчное укрѣпленіе шляхетству приманивать". (14 т., 297).

Само собой ясно, что на сколько польскимъ помѣщикамъ были выгодны побѣги изъ Россіи къ нимъ, на столько же и даже больше русскіе помѣщики терпѣли отъ этого экономическій ущербъ. Прежде всего имъ приходилось раззоряться отъ того, что они были обязаны платить подушныя деньги и за бѣглыхъ, слѣдовательно, „съ пуста“, по выраженію наказовъ. Бѣглецы вдобавокъ не исключались и изъ рекрутскихъ наборовъ (14 т.; 266, 297). Вслѣдствіе этого помѣщики были принуждены налагать подушныя деньги и исполненіе воинской повинности на оставшихся у нихъ крестьянъ и тѣмъ увеличивать еще болѣе и безъ того ихъ несчастное положеніе. А это усиленіе тягостей вело только къ новымъ побѣгамъ. Въ наказѣ отъ дворянъ Великолучнаго уѣзда мы встрѣчаемъ заявленіе о совершенной „невозможности“ оставшимся крестьянамъ платить за бѣглыхъ, которыхъ „такое множество“; здѣсь опредѣленно говорится, что отъ непосильныхъ платежей за бѣглыхъ крестьяне „принуждены бѣжать“ (14 т., 367).

Не мало вреда помѣщикамъ приносили побѣги и своей другой стороной. Дѣло въ томъ, что бѣглецы сформировывали разбойническія шайки и являлись грабить и жечь деревни прежнихъ своихъ господъ. Въ наказахъ мы постоянно читаемъ, что бѣглецы собираются въ Польнѣ „немалыми разбойническими паргіями“, „явно“ оттуда приходятъ въ Россію, „разбиваютъ и грабятъ не только крестьянскіе, но и многихъ помѣщиковъ дома и чинятъ смертныя убійства и пожары деревнямъ и возвращаются — опять въ свое жъ убѣжище“. А дворянство отъ этого „подвержено“ „многимъ опаснымъ и бѣдственнымъ случаямъ“ и „чувствуетъ несносное разореніе“ (напр., 14, 261, 266, 369). Поляки же не только не выдаютъ бѣглыхъ (по тому-что „не хотятъ, чтобъ сторонѣ Россійской какое удовольствіе оказать“), но даже принимаютъ отъ разбойниковъ награбленное ими добро, укрывая его „въ своихъ маетностяхъ“. Такимъ образомъ „взятое у насъ, жаловались дворяне, „остается въ корысти ихъ“. Этого мало. Въ томъ же наказѣ мы находимъ свидѣтельство, что польскіе помѣщики снабжали разбойничьи шайки ружьями и порохомъ, посылали ихъ для грабежа въ Россію „и тѣмъ искореняли вся-

кій покой человѣческой“. Дѣло „дошло до того“, что „многіе помѣщики“ принуждены бѣжать изъ своихъ деревень въ виду нападеній разбойниковъ, „спасая только животь свой“. Такіе отъѣзды дворянъ изъ помѣстій особенно неудобны въ вешнее и лѣтнее время, когда слѣдовало бы „наблюдать свою экономію, и на годъ заготовлять пропитаніе“. Не мало оказалось и такихъ помѣщиковъ, которые, потерявъ всѣхъ своихъ крестьянъ, отдають свои земли въ казну вмѣсто податей, требуемыхъ правительствомъ за ихъ бѣглыхъ крестьянъ; эти помѣщики „дѣйствительно уже сущую бѣдность претерпѣвають“ (14; 267). Въ виду этой бѣдности смоленское дворянство испрашивало въкотораго облегченія въ платежѣ подушныхъ денегъ. Указавъ на фактъ возвращенія нивныхъ бѣглыхъ домой, но въ крайней нищетѣ, смоленское дворянство упрашивало правительство не брать податей съ возвратившихся бѣглыхъ, пока они „озаваживаются“, до новой ревизіи ¹⁾ (14; 419 и 420).

Въ комиссіи не ограничивались одними указаніями на разсматриваемое соціальное зло; здѣсь предлагались и мѣры къ его устраненію. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что мѣры принимались правительствомъ и раньше, до составленія депутатскихъ наказовъ. Такъ для искорененія разбойниковъ часто посылались команды; но отъ этихъ командъ мало было толку. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ мы читаемъ: „хотя о истребленіи воровъ и разбойниковъ узаконеніе есть, *но помощи мало*“; причиной являлась та медлительность, съ которой дѣлались распоряженія: „злодѣи успѣвають“, поясняетъ наказъ, „разграба многихъ, уйти на таковой же промыслъ въ другія мѣста и уѣзды“. (14; 265). Эти команды даже приносили обывателямъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, потому-что, будучи не въ состояніи ловить разбойниковъ, сами являлись бременемъ для населенія. „Посланныя отъ городовыхъ канцелярій, говорится въ одномъ наказѣ, „для сыска тѣхъ злодѣевъ воинскія команды, въ самую рабочую пору, безъ всякой очереди и порядку, берутъ въ понятые крестьянъ съ подводами, довольствуясь сверхъ того хлѣбомъ и харчемъ безденежно“ (14; 351).

И о возвращеніи бѣглыхъ въ Россію хлопотало правитель-

¹⁾ А брать только съ тѣхъ, которые убѣжали послѣ недавно бывшей ревизіи.

ство. Такъ въ 1762 и 63 гг. вышли указы, которыми русское правительство высылало изъ Польши своихъ бѣглецовъ и обѣщало имъ пустыя мѣста для поселеній въ дворцовыхъ волостяхъ. Это мѣропріятіе для помѣщиковъ было весьма невыгодно, почему они его рѣшительно не одобрили. По мнѣнію дворянскихъ наказовъ сказанная правительственная мѣра ничего не принесла, кромѣ вреда. Въ чемъ же вредъ? Въ наказахъ мы находимъ вѣскольکو отвѣтовъ на этотъ вопросъ.

1) Крестьяне, поселившіеся на пустыхъ земляхъ „не столько къ пользѣ, сколько ко вреду служатъ“: они подговариваютъ и проводятъ въ Польшу крестьянъ съ семействами, „какъ здѣшнихъ, такъ и состоящихъ отъ границы верстъ за 200“; кромѣ того возвратившіеся бѣглецы виновны въ томъ, что привимаютъ воровъ и разбойниковъ, а также подводятъ ихъ шайки для грабежа обывателей.

2) Вдобавокъ много объявилось такихъ бѣглыхъ, которые никогда не были въ Польшѣ, а сказываютъ что были; тѣмъ не менѣе они пользуются извѣстною „милостью“, т. е. селятся въ дворцовыхъ волостяхъ, отчего „помѣщики и владѣльцы чувствуютъ великую тягость“ (14; 257, 262, 298).

3) Наконецъ были и такіе бѣглецы, которые уходили „въ дальнія дворцовыя волости“ и тамъ заявляли, что они возвратились изъ Польши, прося при этомъ себѣ мѣсто для поселенія. Ихъ записывали, — будто бы, „безъ всякихъ справокъ“.

Мало утѣшалъ помѣщиковъ и законъ (1766 г.); радѣвшій исключительно объ ихъ выгодахъ, повелѣвая платить за бѣглыхъ въ Финляндіи и Эстляндіи ту же самую сумму, какую платили въ собственно Россіи. Бѣда заключалась въ томъ, что Россійскіе помѣщики въ Финляндію и Эстляндію „почти не имѣли вѣзда“, почему нельзя было и развѣдать о бѣглыхъ. „А тѣ, съ укоривной говорится въ наказѣ, „тѣ, у коихъ они живутъ, держатъ ихъ безъ всякаго опасенія; а тѣ бѣглецы, въ надеждѣ же ихъ прикрытія, являсь вторично и многократно, бѣгутъ обратно въ тѣ же мѣста, и чрезъ вѣскольکو времени перемѣняя свои законы, остаются совсѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ“ (14 т. 256).

Давно уже правительство считало одною изъ важнѣйшихъ причинъ побѣговъ то обстоятельство, что много находилось людей, съ удовольствіемъ принимавшихъ бѣглецовъ.

Въ 1754 г. былъ изданъ указъ о „немаломъ“ штрафѣ за держаніе бѣглыхъ. Но этотъ законъ былъ очень неудобенъ для людей, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, и плохо исполнялся ¹⁾. Въ комиссіи 67 г. чернососные крестьяне отъ лица саратовскаго депутата Матвѣя Смирнова даже просили, чтобы для нихъ было сдѣлано ограниченіе дѣйствія упомянутаго закона. Они просили не взysкивать съ нихъ штрафныхъ денегъ за тѣхъ приходящихъ къ нимъ въ рабочую пору бѣглыхъ, которые пробудутъ у нихъ не болѣе недѣли. Помѣщики, разумѣется, протестовали противъ такой просьбы. Такъ, депутатъ отъ суздальскаго дворянства графъ Андрей Толстой сказалъ: „если дать имъ это позволеніе, то отъ сего произойдетъ вредъ всему государству; ибо многіе, провѣдавши объ немъ, будутъ повидать дома свои и оставшимся на мѣстѣ причинять отягощеніе, а въ платежѣ государственныхъ и помѣщичьихъ доходовъ остановку“. Также Лихаревъ, депутатъ отъ рязанскаго дворянства, утверждалъ, „что такое дозволеніе можетъ подать поводъ къ побѣгамъ“ (4 т., 115 и 117). Словомъ, просьба чернососныхъ крестьянъ проваливалась. Депутатъ Ломоносовъ опредѣленно предлагалъ подтвердить саратовскимъ крестьянамъ, чтобы они отсылали въ мѣстную воеводскую канцеляцію всѣхъ тѣхъ, которые придутъ къ нимъ съ письменными видами. По его мнѣнію, такимъ путемъ „побѣги крестьянъ и прочихъ людей могутъ быть прекращены, а помѣщики и управляющіе у государственныхъ крестьянъ избавятся отъ большихъ безпокойствъ“ (4 т., 123).

Все это исходило изъ того убѣжденія дворянъ, по которому главными виновниками побѣговъ считались не владельцы крестьянъ, а пріемщики и укрыватели бѣглецовъ. Въ дворянскихъ наказахъ мы очень часто встрѣчаемъ разсужденія на эту тему. Для примѣра приведемъ разсужденіе дворянъ Переяславскаго уѣзда; въ ихъ наказѣ прямо объявляется, что „корень“ побѣговъ „держатели и укрыватели“. Почему же? А вотъ почему: „пріемщики и держатели, трагуетъ наказъ, „наивяще виновны, такъ какъ укрывательствомъ своимъ побуждаютъ и другихъ подобныхъ тѣмъ къ чиненію побѣговъ“. И дальше: „чѣмъ же бы менѣе было такихъ пріемщиковъ и держателей, тѣмъ менѣе бѣ было бѣглыхъ, и когда бѣ не имѣли они смысать себѣ пристанища,

¹⁾ Онъ не помѣщенъ въ Полномъ Собр. Законовъ.

то и не попускало бы ихъ отваживаться оставлять свои жилища, а слѣдственно бы чрезъ то могло умалиться воровство“ (8 т., 498). Пристанодержатель считался опаснѣе вора и разбойника. Въ одномъ наказѣ за поимку „всякаго подозрительнаго человѣка“—„подговорщика или вора и разбойника, а *наипаче* пристанодержателя“ проектировалось „награжденіе“ въ сумму не менѣе 50 руб. (14 т., 355). Какимъ же образомъ повліять на „держателей“, чтобы они впрямь не осмѣливались принимать бѣглыхъ?

Дворяне были недовольны прежними правительственными мѣрами для пресѣченія укрывательства. Они въ комиссіи требовали за это преступленіе штрафи въ 300 рублей „за мужескую душу“ на годъ и половину этой суммы „за женскую“. Такой штрафъ — для „пріемщиковъ“—помѣщиковъ. Если же въ данномъ преступленіи виновными оказались бы прикащики и старосты, то для нихъ испрашивалось битье *плетми* и—отдача въ солдаты годнымъ для службы, а негоднымъ—битье *кнутомъ* и ссылка на поселеніе „съ зачетомъ въ рекруты“¹⁾. Крестьянъ-пріемщиковъ, по дворянскому проекту, ждало еще болѣе тяжкое наказаніе; дворяне просили бить ихъ кнутомъ, „а годныхъ—плетми“. Дальше же возмездіе должно было коснуться не только виновныхъ, но и ихъ одвосельчанъ, потому что дворяне рекомендовали „править со всѣхъ живущихъ въ ономъ селѣ или деревнѣ крестьянъ вышеописанную сумму денегъ (т. е. 300 и 150 р.) и обидимаго удовольствоваться“. Тѣже самыя наказанія испрашивались „и за подговоръ къ побѣгу“ (8 т. 560). За пріемщиками были обязаны наблюдать „полпцейскіе командиры“, а гдѣ ихъ нѣтъ,—сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, которые за нерадѣніе должны были подвергнуться „тягчайшему штрафу“ и „жесточайшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ“ (4 т., 373; *ibid.* 8, 465).

Дворяне считали недостаточными и прежнія мѣры правительства для поимки и возвращенія бѣглыхъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ²⁾. Они требовали содѣйствія въ по-

¹⁾ Къ негоднымъ для военной службы помѣщики оказались еще строже; они просили: бить негодныхъ для службы кнутомъ,—ссылать ихъ въ каторгу (4 т., 424).

²⁾ Хотя просили также сыскивать бѣглыхъ по указамъ Петра В. 1721 и 22 гг. (4 т.; 373).

имѣ бѣглыхъ („безъ всякаго послабленія“) со стороны самихъ дворянъ, ихъ прикащиковъ и старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ „подъ опасеніемъ Ея Имп. Велич. гнѣва и разоренія“ (4 т., 373). Въ депутатскомъ наказѣ отъ дворянъ Новгородскаго уѣзда (Бѣжецкой пятины) рекомендуется награда за поимку бѣглыхъ—10 рублей за „мужескій“ полъ и 5 р. за „женскій“ (14 т., 355). Затѣмъ испрашивали учрежденіе должностей земскихъ судей или становыхъ опекуновъ (въ другихъ наказахъ). Такъ, дворяне Дмитріевскаго уѣзда просили для себя *четыре* земскихъ судей, изъ которыхъ каждому пришлось бы имѣть „въ надзираніи своемъ по 11000 душъ“; дворяне Псковскаго уѣзда требовали ¹⁾, чтобы правительство „учредило становыхъ опекуновъ надъ каждымъ 10000 душъ“ (14 т., 377). Въ обязанности, какъ земскаго судьи, такъ и становаго опекуна, по проектамъ, должно было войти, между прочимъ, стараніе о поимкѣ бѣглыхъ. „Земскій судья, говорится въ наказѣ, „долженъ наистрожайше приказать сотскимъ и десятскимъ... крѣпко смотрѣть въ своихъ частяхъ, чтобы не держалъ никто бѣглыхъ и чтобы не было шатающихся безъ паспортовъ“. Сотскіе и десятскіе обязаны доносить о таковыхъ судья, а послѣдній — отсылать оказавшихся „подозрительными людьми“ „для слѣдствія въ надлежащія мѣста“ (8 т., 503). Точно также и становой опекунъ долженъ заботиться о поимкѣ бѣглыхъ по объявленіи объ нихъ помѣщиками (14 т., 379). Что же касается возвращенія бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, то въ 1765 г. (9-го ноября) было повелѣно о пойманныхъ и заключенныхъ въ полиціяхъ бѣглыхъ печатать въ газетахъ „съ такимъ изъясненіемъ, чтобы ихъ хозяева пріѣзжали бы за ними сами или, по крайней мѣрѣ, посылали за ними повѣренныхъ“; неисполненіе этого въ теченіи года влекло за собой то, что бѣглецы опредѣлялись въ казенныя работы, а молодые отдавались въ ученіе ремесламъ и безвозвратно пропадали для своихъ господъ. Это дворянамъ очень не нравилось, и они просили, чтобы къ нимъ пересылали бѣглыхъ по прежнимъ указамъ, „пре-

¹⁾ «Вмѣсто нынѣшнихъ уѣздныхъ комиссаровъ, кои въ званіи, дѣла и безсильная власть давно уже вошли въ безпоправочное презрѣніе».

проводящая отъ города до города“. Эту просьбу помѣщики мотивировали бѣдностью многихъ изъ своей братіи, имѣющихъ „крестьянъ не болѣе, какъ челоуѣка по два и по три“, да „и тѣ, поясняя наказъ, „бѣгутъ, оставя своихъ господъ, и явятся въ поимѣ въ дальнихъ городахъ“. Послать этимъ „владѣльцамъ“ некого за поиманными бѣглецами, и сами ѣхать часто не въ состояніи „за бѣдностью, старостью, увѣчьемъ и за бытіемъ на службѣ“; нѣкоторые даже просто опасаются дальняго пути и имѣютъ на это нѣкоторое основаніе; ихъ на дорогѣ могутъ убить бѣглецы: „люди и крестьяне“, говорится въ наказѣ, „взявъ *безпричинную злость*“ „противъ своихъ господъ“¹⁾, ихъ убиваютъ „до смерти“, „зная, что за такія ихъ злодѣйства не только смертной казни“, но даже „пристрастныхъ допросовъ чинить не велѣно“. Въ добавленіе къ этимъ аргументамъ дворянство предсказывало еще то, что бѣглецы, зная объ опредѣленномъ для возвращенія ихъ господамъ годовомъ срокѣ, нарочно станутъ называть своими господами другихъ помѣщиковъ, чтобы тѣмъ самымъ протянуть время на годъ: „по прошествіи же года, настоящіе владѣльцы тѣхъ своихъ людей и крестьянъ навсегда лишиться неповинно могутъ“ (4; 373 и 374). Въ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ мызахъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, скрывалось много бѣглыхъ, дворяне испрашивали назначать ревизіи „не обходя ни одной души мужеска и женска пола“ (4 т. 385).

Будучи недовольны мѣрами, которыя предпринимались правительствомъ по отношенію собственно къ бѣглымъ, помѣщики не могли не отмѣтить недостаточности средствъ для искорененія разбойниковъ и воровъ. Мы уже знаемъ ихъ мнѣніе о воинскихъ командахъ; вслѣдствіе крайней слабости этихъ командъ, дворяне Новгородскаго уѣзда просили вербовать для поимки бѣглыхъ хотя и отставныхъ солдатъ, но „неувѣчныхъ бы и непрестарѣлыхъ, съ ружьемъ и мундиромъ“ (14 т. 342). Другіе дворяне были менѣе скромны. Они просили, чтобы давалось „вспоможеніе отъ стоящихъ въ близости полковъ“, „если партія разбойническая гдѣ либо окажется велика“ (14 т., 379).

¹⁾ «А особливо противъ тѣхъ, которые, не терпя ихъ шутства и злодѣянія, отъ того (т. е. отъ безпричинной злости) стараются ихъ отвращать».

Помѣщики были недовольны и судомъ надъ разбойниками и ворами „по формѣ“; въ такомъ судѣ присягу принималъ отвѣтчикъ, который „къ закрытію злодѣйства своего“ могъ всегда дать ложную присягу, отчего „бѣдный хозяинъ... „наослѣдокъ“ „оставался въ чувствительномъ огорченіи“; были недовольны такимъ судомъ и испрашивали позволеніе выбирать для суда и другихъ дѣлъ *земскаго начальника* („начальника отъ земли“) изъ дворянъ (14; 352). А разъ воръ или разбойникъ пойманъ, онъ не могъ уже ждать отъ помѣщиковъ никакой пощады. Строгость помѣщиковъ особенно рельефно выразилась въ вопросѣ о *наказаніяхъ* разбойникамъ. Правительство на бумагѣ было гораздо гуманнѣе своихъ благородныхъ подданныхъ. Не говоря уже о наказѣ императрицы, довольно упомянуть, что въ 1763 г. (10-го февраля) былъ изданъ указъ, во второмъ пунктѣ котораго повелѣвалось: — *ворамъ, сознавшимъ* во всемъ *на допросахъ, не „чинить“ ни пытокъ, ни „пристрастныхъ допросовъ“, а только „дѣлать довольныя увѣщанія“.* По мнѣнію же Судиславскаго „благороднаго“ дворянства „таковыя злодѣи“ не чувствуютъ „монаршаго матерняго милосердія, въ истинное признаніе не приходятъ отъ увѣщанія“ и, въ концѣ концовъ, законъ 1763 г. породилъ „множество разбоевъ и смертныхъ убійствъ“, „окромѣ татѣбныхъ и малыхъ воровскихъ дѣлъ, *которыя уже исчислить почти невозможно“.* Вслѣдствіе этого судиславское дворянство, „защищая животъ свой и неповинное отъ такихъ злодѣевъ страданіе и безпокойство“, просило у верховной власти объ изданіи „строжайшаго“ закона для уничтоженія воровъ и разбойниковъ. Судиславское дворянство при этомъ было на столько безпристрастно, что рекомендовало поступать, „какъ съ сущими злодѣями“, съ самими помѣщиками, еслибы они явились виновными „въ таковыхъ же богопротивныхъ дѣлахъ“ (4 т., 285 и 286). А за дворянами водились таки грѣшки, называемые разбойничествомъ. Въ Исторіи Россіи Соловьева собрано достаточно фактовъ помѣщичьихъ разбоевъ, въ которыхъ участвовали разнаго рода гардемарины, корнеты, ассесоры и даже дамы — дворянки. Для примѣра укажемъ на одинъ изъ такихъ фактовъ. Когда въ 1750 году была поймана одна изъ воровскихъ шаекъ, то отъ нея узналъ, что отставной прапорщикъ Сабельниковъ „держалъ разбойную пристань“, отпускалъ разбойниковъ на ихъ промыселъ, по-

лучая известную долю изъ награбленныхъ денегъ, да и самъ „бѣдилъ на разбой“. Даже само дворянство, вообще воюя въ своихъ наказахъ съ разбойниками изъ народа, не оставило своимъ очень деликатнымъ вниманіемъ и помѣщичьяго грабежа: „нынѣ помѣщики, говорится въ наказѣ отъ дворянъ Лихвинскаго уѣзда, сдѣлавъ въ своихъ деревняхъ черезъ малую рѣчку мостъ, *грабительски* берутъ мостовое въ противность Е. И. В. указовъ“ (8 т., 446).

Какой же „настрожайшій“ законъ дворянство испрашивало для разбойниковъ? Далеко не новый; оно возвращалось къ юридическимъ принципамъ Уложенія. „По Уложенію, съ удовольствіемъ вспоминается въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „ворамъ и разбойникамъ, и становщикамъ, и смертоубійцамъ, и потому подобнымъ злодѣямъ чинить вѣдно розыски, и пытки, и смертныя казни, а по указамъ оныя и въ приписныхъ городахъ производились. А нынѣ, кромѣ провинціальныхъ канцелярій, чинить не вѣдно“. Отъ того-то, по мнѣнію наказа, воры и разбойники „размножаются“, „не страшась и суда Божія и не чувствуя монаршаго милосердія“. И вотъ дворянство „въ пресѣченіе“ зла просило, чтобы „по прежнему“ „чинили разбойникамъ *розыски и пытки* при воеводскихъ канцеляріяхъ; если это будетъ повѣдно, то наказъ обѣщаетъ, что злодѣи перестанутъ „размножаться“ (4 т., 420).

Изъ изложенныхъ въ известной системѣ мнѣній и указаній депутатовъ непосредственно вытекаетъ нѣсколько замѣчаній. Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ общій фактъ, что голоса о бѣглыхъ и разбойникахъ раздаются почти исключительно изъ среды дворянства. Только дворянство живо заинтересовано этимъ вопросомъ; представители другихъ сословій къ нему довольно равнодушны. Если же чернососные крестьяне и вышли изъ равнодушія въ вопросѣ о бѣглыхъ, то ихъ просьба явилась совершенно противоположной просьбамъ дворянъ.

Неравнодушіе помѣщиковъ къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ, ихъ крайнее озлобленіе противъ этихъ гулящихъ людей вполне понятны, потому-что никто больше дворянъ-владѣльцевъ не страдалъ отъ выставляемаго ими социальнаго зла. Между тѣмъ другое социальное зло—крѣпостное право, хотя и считалось дворянами одной изъ причинъ побѣговъ, но никто изъ нихъ не думалъ, что это—*главная* причина, почему мы и встрѣчаемъ на этотъ счетъ только

32101 066381714

мухое указаніе въ депутатскихъ наказахъ. Напротивъ, мы видимъ со стороны дворянства завѣреніе, что побѣги прекратятся, если построже относиться къ пріемщикамъ, что разбой прекратится, если жестокими пытками и казнями правительство будетъ наказывать пойманныхъ „воровъ“. Стало быть, *главная* причина побѣговъ и разбойничества заключалась, по мнѣнію дворянъ, въ своеволіи и „безпричинной“ злости крестьянъ съ одной стороны и въ слабости правительственныхъ мѣръ—съ другой. Дворяне не одинъ разъ оговариваются, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отягощенія“ отъ помѣщиковъ, въ противность свидѣтельству Сиверса, писавшему въ 1766 г. Екатеринѣ, что крестьяне бѣгутъ отъ „тиранства господъ“. Дворяне вѣрно указывали на другія важныя причины побѣговъ — тяжелыя экономическія требованія правительства и рекрутство, но они не помышляли даже объ юридическихъ ограниченіяхъ своей власти. Я не говорю уже объ отгнѣннѣ крѣпостнаго права, — идея, которою въ Россіи XVIII вѣка прониклось только нѣсколько высшихъ и гуманныхъ умовъ... Несомнѣнно сами крѣпостные могли бы высказаться въ комиссіи вполне удовлетворительно по своему вопросу, но они, за отсутствіемъ, не могли подать голоса...

Прошло не особенно много времени послѣ закрытія комиссіи, какъ грозный голосъ всѣхъ безправныхъ и обездоленныхъ послышался на восточной окраинѣ государства и заставлялъ затрепетать правительство и всѣхъ владѣльцевъ людьми. Крѣпостные высказались... Государство снова, какъ при Разинѣ, заколебалось въ своихъ основахъ. Но какъ тогда, такъ и теперь средства государства оказались сильнѣе, чѣмъ у бунтующихъ массъ и оно, хотя и съ трудомъ, усмирило ихъ...